

РОМАН К. ВАГИНОВА «КОЗЛИНАЯ ПЕСНЬ»: ЧЕРТЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА

*Работа представлена кафедрой новейшей русской литературы.
Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор С. И. Тимина*

В статье рассматривается проблема петербургского текста, выявляются его особенности на материале романа К. Вагинова «Козлиная песнь», приводятся доказательства существования данного явления во второй половине 20-30-х гг. XX в.

The article analyses the problem of St. Petersburg text, defines its particular qualities by the example of K. Vaginov's novel «Goat's song». The author of the article proves the existence of St. Petersburg text in the second part of the 1920s-1930s.

Во второй половине XX в. проблема «петербургского текста» активно разрабатывается в семиотике (З. Г. Минц, М. В. Безродный, А. А. Данилевский, Ю. М. Лотман). Понятие «петербургский текст русской литературы» оформилось и получило развернутое обоснование в работах В. Н. Топорова.

Под «петербургским текстом» В. Н. Топоров понимает синтетический метатекст, ориентированный на классические тексты русской литературы, начиная с произведений Пушкина, наделенный определенными свойствами поэтики. Ученый обосновывает содержание данного термина и определяет систему показателей принадлежности к петербургскому тексту, разрабатывая «субстратные элементы» и «способы языкового кодирования основных его составляющих». В. Н. Топоров усматривает источник единства изучаемого им сверхтек-

ста не только в единстве объекта описания, но прежде всего - в смысловой установке, намечающей путь к спасению в «условиях, когда жизнь гибнет в царстве смерти, а ложь и зло торжествуют над истиной и добром»¹.

Таким образом, принадлежность произведения к петербургскому тексту требует сложной, научной обоснованной системы доводов как с точки зрения формальной стороны, изобразительного ряда, так и с концептуальной - в выборе проявления устремленности к высшей цели.

Среди современных ученых ведется дискуссия и о хронологических рамках существования «петербургского текста». Предметом нашего рассмотрения является роман Вагинова «Козлиная песнь», созданный петербургским прозаиком в 1927 г. Целью исследования выступает система доказательств принадлежности этого про-

изведения к петербургскому тексту и тем самым расширение хронологических границ существования этого феномена.

В ситуации всеобщей социальной катастрофы послереволюционных 1920-х гг. писатель обращается к эстетическому воссозданию уходящего предметного мира.

В. Топоров выделяет вещный мир в особом петербургском преломлении: «Вещи ввергают человека в состояние абсурда. Вещи выходят из первоначальных своих границ в пределах художественного текста, обнаруживают тенденции к гипертрофии, навязчивому повторению и чрезмерной детализации, в результате чего теряют свою разумную определенность, сужают возможность быть понятыми и использованными человеком и, следовательно, также способствуют хаотизации, возрастанию энтропии»². Современный исследователь Т. В. Цивьян обращаясь к концепции вещи, указывает на то, что «соединение в вещи предельной конкретности и осязаемости с неопределенностью, неосязаемостью, с тем, что вещь как бы уходит сквозь пальцы, метаморфоза вещи - через нечто в ничто - представляет бесценный материал для превращения в искусство, в литературу, то есть - в конце концов - в текст»³. Это парадоксальное свойство вещи сопрягать в своей семантической ауре материально-вещественные, культурные смыслы-значения - важная предпосылка в исследовании произведений Вагинова.

Вещи, которые коллекционируют герои романа Вагинова, как декорации спектаклей или музейные экспонаты, доносящие прошедшие эпохи, вносят в текст гибнущие в истории предметы материальной культуры, имена и биографии забытых или известных поэтов, писателей, художников, героев бессмертных произведений классики. Через призму вещного мира виден город, изображенный в романе Вагинова «Козлиная песнь». Это Петербург, который является местом сохранения культуры.

Действие романа почти не выходит за пределы северной столицы и ее окрестностей. Показательно, что автор продолжает

называть город Петербургом, хотя речь ведется преимущественно о советском времени: «Теперь нет Петербурга, есть Ленинград; но Ленинград нас не касается - автор по профессии гробовщик, а не колыбельных дел мастер»⁴. Замена «Ленинграда» «Петербургом» позволяет Вагинову воскресить главные черты петербургского мифа. Прежде всего - представление о фантомности, миражности города. Как это было у Гоголя и Достоевского, Петербург Вагинова - город, множащий иллюзии: «И на домах, и на улицах, и в душах дрожит зеленоватый огонек, ехидный и подхихкивающий. Мигнет огонек - и не Петр Петрович перед тобой, а липкий гад; взметнется огонек - и сам ты хуже гада; и по улицам не люди ходят; заглянешь под шляпку - змеиная голова; всмотришься в старушку - жаба сидит и животом движет»⁵. «Автор» (так называет себя главное действующее лицо) выступает в роли нескольких персонажей, которых погружает в реальность питерско-ленинградской жизни.

Внешняя реальность в романе находится в состоянии «полураспада». Перед нами мир обломков: вещи и люди сумели сохранить только одно из своих качеств, одну часть, свойство (жена Заэфратского - инфантильная, Муся - хозяйственная, Свечин - развратник). Вещам оставлено по признаку: «На столе стояло... нечто розовое, нечто красное, нечто белое, нечто голубое»⁶. По ходу событий процесс распада не прекращается, а только нарастает. Во внешнем мире все идет на убыль, все как будто тает в серой дымке. Так, в беззаботные моменты жизни герои ходят полюбоваться с балкона - в начале романа - на крыши города, потом на трубы, потом - на дымы из труб. Встречи героев происходят в садике со сломанным забором, со следами разоренных клумб.

По замыслу писателя этому неуклонно распадающемуся миру герои романа должны вернуть единство, найти путь к его восстановлению, воскресить умершее. Путь возвращения целостности подсказывается

самой культурной реальностью - Петербургом. Не городом, который лежит в развалинах, а петербургским мифом - идеальной проекцией города.

Персонажи «Козлиной песни» стремятся к воскрешению отдельных культурных эпох: античности, ренессанса, барокко. В сознании Неизвестного поэта то, что происходит, ассоциируется с упадком Римской империи. Себя он чувствует последним римлянином, совершающим героическое усилие, чтобы спасти и защитить гибнущую культуру. В романе мы видим его то среди античных статуй Петербурга, то рядом с обломками колонн, у полуразрушенных зданий, куда приходят умирать облезлые петербургские кошки.

Ассоциации с Римской империей не случайны. Авторы историософских концепций и в прошлом, и в наше время неоднократно обращались к сравнению социальных пространств двух великих городов. Так в сборнике «Метафизика Петербурга» читаем: «Рим европейско-христианской цивилизации - это Город Святого Петра, где главной архитектурной доминантой стал купол собора над могилой Святого апостола. Нарекая новую крепость на Заячьем острове тем же именем - Санкт-Питер-Бурх, - Петр, по существу, декламировал новую культурно-историческую миссию России в Европе и в мире»⁷. К. Вагинов, воссоздавая черты «петербургского текста» в своем романе, сближается с концепцией мифологизации великих городов. Так, его герой Неизвестный поэт с детства коллекционирует старинные монеты: «У него в конторе стояли небольшие дубовые шкафики с выдвижными полочками, обитыми синим бархатом, на бархате лежали стратеры Александра Македонского, тетрадрахмы Птолемея, золотые, серебряные динарии римских императоров. Здесь будущий Неизвестный поэт приучался к непостоянству всего существующего, к идее смерти, к перенесению себя в иные страны и народности»⁸. По замыслу романа это прикосновение к вечности заканчивается для героя полным крахом.

Другой герой - Костя Ротиков - влюблен в барочную культуру. Все, кто окружает этого героя, признают за ним тончайший вкус и огромные искусствоведческие познания, которые на практике превращаются в собирание безвкусных и порнографических предметов. Квартира Кости полна «копилками в виде кукишей, пресс-папье в виде руки, скользящей по женской груди, всякими коробочками с телодвижениями»⁹. Герой идеализирует свой интерес и тягу к коллекционированию: «Иногда ему казалось, что он открыл философский камень, с помощью которого можно сделать жизнь интересней, полной переживаний и восторга. Действительно, весь мир стал для него донельзя ярким, донельзя привлекательным. В его знакомых для него открылось бездна любопытных черточек, для него привлекательных по-новому. В их речах открывал тайную безвкусицу, не подозреваемую ими»¹⁰. Костю Ротикова в романе окружают герои, столь же подверженные самообману и самообольщению: «Он получал восторженные письма от молодых людей, зараженных, как и он, страстью к безвкусице... Провинциальная молодежь, до которой неведомо какими путями дошли слухи об его занятиях, просыпалась, уже в медвежьих углах начали собирать безвкусицу, чтобы исцелиться от скуки»¹¹. Для героя и его единомышленников коллекционирование и музеефикация - знаки такого пустого воспроизведения, вольной или невольной замены подлинной творческой энергии какими-то житейскими эрзацами. Тотальная гибель культуры демонстрируется в разнообразии форм распада. Петербург оказывается беспощадным ко всему ненастоящему.

Еще один из персонажей романа Вагинова Миша Котиков из преклонения перед умершим поэтом Заэфратским самого себя превращает в музей его памяти: не расстается с его вещами, вступает в интимные отношения с любовницами Заэфратского, всеми по очереди, наконец, женится на его бывшей жене.

Так раздробленное на бессмысленные элементы, заменяющие саму жизнь, про-

странство «петербургского текста» мстит тем маленьким, лишенным подлинного вкуса и творческой энергии людям, кото-

рые населяют роман Вагинова. Писатель нашел новые грани в восполнении эстетики петербургского мифа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Топоров В. Н.** Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 279.

¹ Там же. С. 27.

³ **Цивьян Т. В.** К семантике и поэтике вещи/ Aequinox МСМХС III. М., 1999. С. 210.

⁴ **Вагинов К.** Козлиная песнь: Романы. М., 1991. С. 3.

⁵ Там же. С. 2

⁶ Там же. С. 80.

⁷ **Лебедев Г.** Рим и Петербург: археология урбанизма и субстанция вечного города / Метафизика Петербурга. СПб., 1993. С. 47.

⁸ **Вагинов К.** Указ. соч. С. 19

⁸ Там же. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 117.

"Там же. С. 118.